

Джон Ле Карре

ГОЛУБИНЫЙ

ТУННЕЛЬ

ИСТОРИИ
ИЗ МОЕЙ
ЖИЗНИ

John Le Carré

**THE PIGEON
TUNNEL**

STORIES
FROM
MY LIFE

Джон Ле Карре

ГОЛУБИНЫЙ ТУННЕЛЬ

ИСТОРИИ
ИЗ МОЕЙ
ЖИЗНИ

Перевод с английского
Любови Трониной

издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
Л33

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Ле Карре, Джон

Л33 Голубиный туннель. Истории из моей жизни / ДЖОН ЛЕ КАРРЕ; пер. с англ.
Л. ТРОНИНОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 368 с. (Разведкорпус).

ISBN 978-5-17-118152-9

Это не автобиография, а коллаж из воспоминаний, мастерски составленный корифеем детективного жанра. Джон Ле Карре в “Голубином туннеле” рассказывает не историю своей жизни, а истории из своей жизни, и их у него немало. Германия начала шестидесятых, Россия начала девяностых, беседы с Маргарет Тэтчер и Ясиром Арафатом, попытки работать со Стэнли Кубриком и Фрэнсисом Фордом Копполой, встречи со знаменитыми разведчиками и шпионами и воспоминания о родителях — об ушедшей из семьи матери и об авантюристе-отце.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-118152-9

- © David Cornwell, 2016
- © Л. Тронина, перевод на русский язык, 2018
- © Ralph Crane/Getty Images, фотография на обложке
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019
- Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Предисловие</i>	7
Вступление	9
Глава 1 К своей спецслужбе относись по-людски	23
Глава 2 Законы доктора Глобке	37
Глава 3 Официальный визит	48
Глава 4 Рука на кнопке	51
Глава 5 Всем заинтересованным лицам	58
Глава 6 Жернова британского правосудия	62
Глава 7 Перебежчик Иван Серов	64
Глава 8 Наследие	71
Глава 9 Невинный Мурат Курназ	81
Глава 10 В полевых условиях	87
Глава 11 Как я столкнулся с Джерри Уэстерби	97
Глава 12 Одиночество во Вьентьяне	101
Глава 13 Театр жизни: танцы с Арафатом	106
Глава 14 Театр жизни: вилла Бригитты	119
Глава 15 Театр жизни: вопрос вины	126

Глава 16	Театр жизни: нежности	130
Глава 17	Советский рыцарь гибнет в своих доспехах	137
Глава 18	Дикий Восток: Москва 1993-го	151
Глава 19	Кровь и сокровища	164
Глава 20	Самые крупные медведи в садке	174
Глава 21	Среди ингушей	187
Глава 22	Премия Иосифу Бродскому	192
Глава 23	Некомпетентное мнение	195
Глава 24	Сторож брату своему	208
Глава 25	Quel Rapata!	223
Глава 26	Под прикрытием	235
Глава 27	Охота на военачальников	239
Глава 28	Я нужен Ричарду Бёртону	253
Глава 29	Алек Гиннесс	268
Глава 30	Пропавшие шедевры	274
Глава 31	Галстук Бернара Пиво	287
Глава 32	Обед с узниками	294
Глава 33	Сын отца автора	300
Глава 34	Реджи — с благодарностью	343
Глава 35	Самый нужный человек	345
Глава 36	Кредитка Стивена Спендера	357
Глава 37	Совет начинающему писателю	359
Глава 38	Последняя государственная тайна	360
	<i>Источники</i>	365

Предисловие

Почти каждая моя книга когда-нибудь да называлась “Голубиный туннель” — в рабочем варианте. Откуда взялось это название, объяснить нетрудно. Как-то, в очередной раз отправляясь в Монте-Карло просаживать деньги, отец решил взять меня, подростка, с собой. Рядом со старым казино располагался спортивный клуб, на границе его территории, на морском берегу, лужайка, и на ней — стрельбище. А пониже лужайки к самой кромке моря параллельными рядами уходили туннельчики. В них помещали живых голубей, вылупившихся из яйца на крыше казино и там же попавших в ловушку. Делать они должны были вот что: в кромешной тьме, трепеща, пробираться к выходу из туннеля, чтобы взмыть в средиземноморское небо и стать мишенью для желающих развлечься после хорошего обеда джентльменов, которые стояли или лежали тут же с двустволками наготове. Если стрелок промахивался или только подстреливал голубя, тот поступал, как всякий обычный голубь. Возвращался туда, где появился на свет и где его поджидали все те же ловушки.

Почему этот образ оказался столь навязчивым, читатель, может быть, рассудит лучше меня.

Джон Ле Карре, *январь 2016 года*

Вступление

С ижу за столом в цоколе маленького швейцарского шале (я построил его на гонорары за “Шпиона, пришедшего с холода”) в горной деревне в полутора часах поездом до Берна, куда в шестнадцать лет я сбежал из английской частной школы, чтобы поступить в Бернский университет. По выходным мы, студенты, мальчишки и девчонки, в основном бернцы, большой оравой устремлялись в Оберланд — ночевать в горных хижинах и кататься на лыжах до упаду. Насколько я могу судить, все мы были воплощением добродетели: мальчишки в одной стороне, девчонки в другой и по двое никогда не сходились. А если кто и сходил, меня среди них не было.

Шале стоит над деревней. Из своего окна, если смотрю в самую вышину, вижу верхушки пиков Эйгер, Мёнх и Юнгфрау и те, что прекраснее всех, — Зильберхорн, а уступом ниже — Малый Зильберхорн: два прелестных ледяных конуса, что время от времени, когда приходит тёплый южный ветер под названием фён, тускнеют, но лишь затем, чтоб через несколько дней вновь предстать в своем белоснежном, свадебном убранстве.

В числе наших святых-покровителей вездесущий композитор Мендельсон — маршрут прогулки Мендельсона отмечен особыми указателями, а также поэт Гёте, хотя он, кажется, добрался только до водопадов Лаутербруннена, и поэт Байрон,

который добрался до самого Венгернальпа и невзлюбил его — заявил, что при виде наших истерзанных бурями лесов “вспоминает себя самого и свою семью”.

Но больше всех мы, несомненно, чтим другого святого-покровителя — некоего Эрнста Герча, который принес нашей деревне славу и достаток, учредив в 1930 году Лауберхорнские гонки, и сам же выиграл в соревновании по слалому. Однажды и я решил принять участие в этих гонках — совсем сдурел! — и непрофессионализм вкупе с диким страхом, как и следовало ожидать, привели меня к полному провалу. Мои изыскания показали, что, став отцом лыжных гонок, Эрнст не успокоился, но пошел дальше и придумал стальной кант для лыж и стальные платформы для креплений, и за это мы все можем сказать ему спасибо.

На дворе май, так что мы за неделю все времена года перевидали: вчера выпало полметра свежего снега, только радоваться было некому — лыжников-то нет; сегодня беспрепятственно палит солнце, и снег почти совсем исчез, а весенние цветы опять пошли в рост. Теперь же спустился вечер, и свинцовые тучи готовятся к наступлению на долину Лаутербруннен, словно наполеоновская *Grande Armée**.

По их следам, вероятно, а может, потому что уж несколько дней не навещал нас (а мы и рады были), вернется фён и обесцветит небо, леса, луга, и домик мой станет скрипеть и трепыхаться, а дым — выползает из камина и стелиться по ковру, который мы однажды, в дождливый день бесснежной зимы какого-то там года, купили втридорога в Интерлакене; и всякий звук, доносящийся из долины — брякнет что-то, загудит клаксон, — будет раздаваться сердитым протестующим возгласом, а птицам придется сидеть в гнезде, под домашним арестом, — всем, кроме галок: им никто не указ. Когда дует фён, не садись за руль, не предлагай руку и сердце. Если болит голова или руки чешутся прикончить соседа, будь спокоен. Это не похмелье, это фён.

* Великая армия (*фр.*).

В моей восьмидесятичетырехлетней жизни шале занимает место, совершенно не соответствующее своим размерам. В этой деревне я бывал еще до того, как его построил, мальчишкой — сперва катался здесь на лыжах, деревянных, из пекана или ясени, с чехлами из тюленьей кожи для подъема и кожаными креплениями для спуска, а потом приезжал сюда и летом — гулять в горах с моим мудрым оксфордским наставником Вивианом Грином, который позже сделался ректором Линкольн-колледжа и стал прототипом Джорджа Смайли — в духовном отношении.

Смайли, как Вивиан, обожал свои Швейцарские Альпы, или, опять же как Вивиан, находил отраду в созерцании природы, или, как сам я, всю жизнь сражался с немецкой музой, — и это не просто совпадение.

Я ворчал на своего беспутного папашу Ронни — Вивиан выслушивал, а когда Ронни в очередной раз обанкротился, как-то особенно эффектно, нужную сумму раздобыл опять же Вивиан и вытащил меня обратно в колледж — доучиваться.

В Берне я познакомился с наследником одного из старейших семейств, владевших в Оберланде отелями. И если бы впоследствии он не использовал свое влияние, шале мне и во все строить не позволили бы, поскольку тогда, как и сейчас, ни один иностранец не мог приобрести в этой деревне и квадратного метра земли.

Там же, в Берне я начал сотрудничать с британской разведкой — делал первые, детские шаги на этом поприще, донося неизвестно что неизвестно кому. В последние дни я часто размышляю между делом, на что была бы похожа моя жизнь, если б я не удрал тогда из школы или удрал бы в каком-нибудь другом направлении. Только сейчас понимаю: все случившееся со мной потом было следствием импульсивного юношеского решения — бежать из Англии, выбрав самый скорый путь из возможных, чтоб стать приемным сыном немецкой музы.

Не то чтобы в школе у меня не ладилось, напротив: я был капитаном всяческих команд, победителем школьных соревнований, потенциальным золотым мальчиком. И сбежал я спокой-

но. Без шума, без криков. Просто сказал: “Отец, делай со мной что хочешь, но я не вернусь”. Очень может быть, что во всех своих бедах я винил школу, а заодно и Англию, тогда как на самом-то деле мне хотелось любой ценой освободиться из-под власти отца, только едва ли я мог ему это сказать. С тех пор, конечно, мне уже приходилось наблюдать, как мои собственные дети проделывали то же самое, правда, изящнее и без лишней суматохи.

Но все это не дает ответа на главный вопрос: как развивалась бы моя жизнь при иных обстоятельствах? Не окажись я в Берне, завербовали бы меня, юношу, в британскую разведку в качестве мальчика на побегушках, который делает, как у нас говорили, “все понемножку”? Тогда я не прочел еще “Эшендена” Моэма, зато, разумеется, прочел “Кима” Киплинга и энное количество шовинистических приключенческих романов Джорджа Альфреда Хенти и ему подобных. Дорнфорд Йейтс, Джон Бакен и Райдер Хаггард навредить не могли.

Само собой, года четыре после окончания войны я был главным патриотом Британии в Северном полушарии. В подготовительной школе мы, мальчишки, научились вычислять немецких шпионов в своих рядах, и я считался одним из лучших агентов нашей контрразведки. В частной школе все мы были пламенными ура-патриотами. Дважды в неделю занимались “строевой” — то есть военной подготовкой в полном обмундировании. Молодые учителя вернулись с войны загорелыми и на строевой щеголяли орденскими ленточками. Что делал на войне мой учитель немецкого, оставалось загадкой, но что-то ужасно интересное. Наш консультант по профориентации готовил нас к пожизненной службе на отдаленных форпостах империи. Аббатство в центре нашего городка украшали полковые знамена, разорванные пулями в лоскуты в битвах колониальных войн в Индии, Южной Африке и Судане — лоскуты, которым заботливые женские руки, нашив их на сетку, возвратили славу.

Совсем неудивительно поэтому, что, услышав Великий Зов — из уст дамы тридцати с чем-то лет по имени Венди, со-

трудницы визового отдела британского посольства в Берне, больше похожей на домохозяйку, — семнадцатилетний английский школьник, решивший прыгнуть выше головы и поступить в иностранный университет, встал по стойке смирно и сказал: “К вашим услугам, мэм!”

Сложнее объяснить, почему я увлекся немецкой литературой — всей без разбора — во времена, когда для многих людей слово “немецкий” было синонимом абсолютного зла. А между тем это увлечение, как и побег в Берн, определило весь мой дальнейший жизненный путь. Иначе я, конечно, не приехал бы в Германию в 1949 году по настоянию моего учителя немецкого — еврея-беженца, никогда не увидел бы города Рура, сровненные с землей, не подышал бы на старом вермахтовском матрасе в немецком полевом госпитале, устроенном в берлинском метро; не побывал бы в концлагерях Дахау и Берген-Бельзен, в бараках, откуда еще не выветрился смрад, чтобы затем вернуться в спокойный, безмятежный Берн к моим Томасу Манну и Герману Гессе. И конечно, меня не отправили бы служить в оккупированную Австрию и выполнять там разведзадачи, я не изучал бы немецкий язык и литературу в Оксфорде, а после не преподавал бы и то и другое в Итоне, не был бы назначен в британское посольство в Бонне под видом младшего дипломата и не писал бы романы на немецкие сюжеты.

Теперь мне вполне очевидны последствия этого раннего увлечения всем германским. Благодаря ему у меня появился свой участок эклектического пространства; оно подпитывало мой неизлечимый романтизм и склонность к лирике; оно внушило мне представление о том, что на пути от колыбели к могиле человек постоянно учится — идея едва ли оригинальная, а пожалуй, и спорная, ну и пусть. Познакомившись с драмами Гёте, Ленца, Шиллера, Клейста и Бюхнера, я обнаружил, что мне в равной степени близки и их классический аскетизм, и невротическая избыточность. Хитрость в том, думал я, чтобы замаскировать одно другим.

Моему шале уже почти полвека. Дети, пока не выросли, приезжали сюда каждую зиму кататься на лыжах, и здесь мы провели лучшие дни вместе. Бывало, и весной приезжали. Сюда же, кажется, зимой 1967-го мы удалились на месяц с Сидни Поллаком (который снял “Тутси”, “Из Африки” и мое любимое — “Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?”), чтобы обстоятельно поработать над сценарием фильма по моему роману “В одном немецком городке”, и презабавно провели время.

Снег той зимой был отменный. Сидни никогда не катался на лыжах, никогда не бывал в Швейцарии. И просто не мог спокойно смотреть на довольных лыжников, с беспечным видом мчавшихся мимо нашего балкона. Он должен был стать одним из них, притом немедленно. Сидни хотел, чтобы я его научил, но я-то, слава богу, вместо этого позвал Мартина Эппа — лыжного инструктора, легендарного горного проводника и одного из тех немногих, кто совершил одиночное восхождение на Эйгер по северной стене.

Первоклассный режиссер из Саут-Бенда в Индиане и первоклассный альпинист из Арозы сразу поладили. Сидни ничего не делал впосилы. За несколько дней он стал профессиональным лыжником. А еще загорелся идеей снять о Мартине Эппе фильм и вскоре уже больше думал о нем, чем об экранизации моего романа. Эйгер выступит в роли Судьбы. Я напишу сценарий, Мартин выступит в роли самого себя, а Сидни, пристегнутый где-нибудь на склоне Эйгера, будет его снимать. Он позвонил своему агенту и рассказал про Мартина. Позвонил своему психоаналитику и рассказал про Мартина. А снег по-прежнему был отличный и делал свое дело — отнимал у Сидни энергию. Мы решили, что работать лучше всего вечером, после ванны. Было оно лучше или нет, не знаю, только кино никто так и не снял.

Позже, к некоторому моему удивлению, Сидни на время предоставил шале Роберту Редфорду — тот готовился к съемкам

“Скоростного спуска” и хотел изучить местность. Увы, с ним я так и не встретился, но после на несколько лет за мной в деревне закрепилась слава друга Роберта Редфорда.

Это реальные истории, я рассказываю их по памяти, и тут вы вправе задать вопрос: что есть правда и что есть память для писателя, жизнь которого, деликатно выражаясь, клонится к закату? Для юриста правда — это голые факты. Можно ли в принципе такие факты отыскать — другой вопрос. Для писателя факт — это сырье, не руководитель, но инструмент, и дело писателя — сделать так, чтобы он заиграл. Истинная правда, если только она есть, заключена не в фактах, а в нюансах.

Существует ли вообще такая вещь, как *объективная* память? Сомневаюсь. Даже если мы убеждаем себя, что беспристрастны, придерживаемся голых фактов и ничего не приукрашиваем и не опускаем в своих корыстных интересах, объективная память неуловима, как мокрый кусок мыла. По крайней мере для меня, который всю жизнь смешивал пережитое и воображаемое.

Если мне казалось, что рассказ того заслуживает, я поднимал свои газетные статьи, написанные в то время, брал оттуда цитаты, описания — потому что они записаны по свежим следам и в этом их достоинство и потому, что более поздние воспоминания уже не так остры, — например, портрет Вадима Бакина, бывшего главы КГБ. А в других случаях я оставлял рассказ почти таким, каким написал когда-то, только кое-где подчищал или добавлял пассаж, дабы что-то прояснить или осовременить.

Я вовсе не предполагаю, что читателю хорошо знакомо мое творчество или, если уж на то пошло, вообще знакомо, поэтому по ходу буду делать пояснения. Однако смею вас заверить: я не исказил сознательно ни одного события, ни одной истории. Утаил, где нужно было, это да. Но решительно ничего не искажал, нет. А если что-то помню нетвердо, не преминул